

ЕЛЕНА АРБУС

РЕЖИ
СЕР

ПЕЧАТЬ ЗАБЫТЫХ

НИКТО НЕ ПОМНИТ ЕГО ЛИЦА.
НО ОНА СМОТРИТ ГЛУБЖЕ ПАМЯТИ.

18+

Елена Арвус

Печать забытых

<https://litres.ru/74274464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ведрин держится на одной сделке: раз в год город отдаёт частицу человека — память, голос, лицо, — и взамен получает ещё год без Прели, безымянной порчи, стирающей всё, чего касается.

Дознаватель Ниэль Вейл не выносит приговоры. Она решает, чем именно заплатит осуждённый за свою вину, — какую часть себя он больше никогда не вернёт. Она верит, что точность — это форма милосердия. Что если забирать ровно столько, сколько необходимо, и ни капель больше, — руки остаются чистыми.

Сайлас Дор восемь лет назад заплатил свою цену. Теперь его лицо забывают за считанные дни — даже те, кто клянётся его любить. Он не мстит и не спасает. Он крадёт осуждённых прямо из-под иглы, потому что каждый спасённый на миг делает его снова видимым миру.

Она охотится за тенью, срывающей приговоры один за другим. Он охотится за ответом, кто вынес приговор ему. Оба не знают, что ответ — друг напротив друга.

Некоторые долги невозможно вернуть. Можно только решить, кому лгать дальше — миру или себе.

Содержание

Глава 1. Ниэль	4
Глава 2. Сайлас	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Арвус

Печать забытых

Глава 1. Ниэль

Зал Дознания не имел окон — только узкий выступ в потолке, сквозь толстое зеленоватое стекло которого сочился ровный свет, всегда одинаковый, независимо от часа и погоды снаружи. Ниэль давно подозревала, что это сделано нарочно: чтобы ничье внимание не отвлекалось на то, светит солнце или идет дождь. Здесь имело значение только то, что происходило внутри.

Осужденного звали Гербер Лоу. Он стоял на белом круге пола — не привязанный, ничем не удерживаемый, просто стоял, потому что бежать было некуда, а стоять на месте было единственным, что от него еще требовалось. Его руки были в мозолях от косы, и Ниэль сразу отметила это про себя. Руки всегда говорили больше, чем лица. Лица люди готовили заранее, зная, что их будут разглядывать. Руки — никогда.

— Гербер Лоу, — сказал секретарь Трибунала, не поднимая взгляда от бумаг, — вы признаны виновным в убийстве соседа, Освальда Крайна, тридцать первого дня Урожая. Дознаватель огласит норму.

Ниэль встала. Стул за ее спиной скрипнул — единствен-

ный звук в зале, помимо дыхания четырех десятков людей, набившихся на галерею посмотреть. Она не любила зрителей. Не потому, что это было неприлично — приличие давно не значило ничего в этом зале, — а потому, что зрители всегда хотели, чтобы происходящее выглядело определенным образом: страшным, справедливым или величественным в своей неотвратимости. Ниэль же нужно было, чтобы оно было точным.

Точность и зрелищность редко уживались.

Она подошла к белому кругу так близко, как позволяли правила — на расстояние вытянутой руки, не дальше и не ближе, — и посмотрела Герберу Лоу в глаза.

Читать личность не значило видеть прошлое человека, как любили изображать в дешевых листках Дальнего Брега, где Дознателей рисовали с горящими глазами, будто те заглядывали в чужую голову, как в раскрытую книгу. На деле все было медленнее и менее эффектно: нужно было долго смотреть, ничего не говоря, пока человек напротив, не выдержав тишины, сам не показывал, что в нем крепко, а что готово треснуть при первом нажиме.

На тридцатой секунде дрогнула нижняя губа.

— Я не хотел, — сказал он. — Он первый замахнулся, я богами клянусь, он первый.

Ниэль не ответила. Это тоже было частью процедуры — не отвечать, не утешать, не подтверждать и не опровергать, — потому что любое слово с ее стороны было бы уже частью

нормы, а норма еще не была определена.

Она следила за тем, как он держит плечи — чуть подавшись вперед, будто до сих пор готов защищаться от удара, которого больше никто не нанесет. Его взгляд метался не к ней, а мимо, к дальней стене, туда, где, по всей видимости, обычно сидела его жена, если у него была жена, а теперь не сидел никто. Человек, который убил в панике, а не в холодном расчете, — такой человек, как правило, крепче всего держится не за жизнь и не за свободу, а за одну-единственную вещь: за то, чтобы люди, которых он любит, не запомнили его убийцей.

Вот за что следовало ухватиться.

— Норма определена, — сказала Ниэль, и голос ее прозвучал ровнее, чем ей самой хотелось бы после того, что она сейчас увидела в этом человеке. — Изъятию подлежит способность осужденного быть узнанным родными по голосу.

По галерее прошел шум — не ужаса, а разочарования: зрители ждали чего-то более зрелищного, памяти о преступлении, может быть, или способности чувствовать боль. Голос — это было слишком тихо для них, слишком незаметно.

Но Ниэль не выносила норму для зрителей. Она выносила ее для того, чтобы Гербер Лоу, вернувшись домой — если ему вообще позволят вернуться, — мог обнять жену, если та у него была. Мог сказать дочери спокойной ночи, по-прежнему быть узнанным лицом и походкой. Только голос — тот единственный звук, которым он, вероятно, срывался на крик

в тот вечер тридцать первого Урожая, — перестанет быть его голосом для тех, кто его любит.

Достаточная плата. Не больше, чем нужно.

Она в это верила. Или, по крайней мере, произносила про себя эту фразу так часто, что перестала замечать разницу между верой и привычкой.

Призрак вошел через боковую дверь так тихо, что Ниэль, стоявшая к нему боком, уловила его появление скорее по тому, как изменился свет — темная мантия перекрыла часть зеленоватого сияния сверху, — чем по звуку шагов. Маска без прорезей для узнавания черт, глухой капюшон, руки в тонких серых перчатках, держащие футляр с иглой Сечения так, как держат вещь, к которой давно привыкли и давно перестали бояться. Ниэль никогда не видела лица ни одного Призрака и, по правилам, не имела права даже задаваться вопросом, кто скрывается под тканью. Закон объяснял это заботой о безопасности исполнителей — от мести родных осужденных. Ниэль подозревала, что дело было в другом, но подозрение — это было все, что ей полагалось на этот счет, и она давно научилась держать подозрения там, где им было место: не выше, не ближе к языку.

Игла Сечения не резала кожу. Тонкая, короче ладони, из серого металла без блеска, она была почти не видна большинству зрителей на галерее. То, что она делала, происходило не в теле Гербера Лоу, а где-то в промежутке между тем, кем он был, и тем, кем он себя помнил. Процедура заня-

ла меньше минуты. Гербер Лоу не закричал — только резко втянул воздух, как будто его окунули в холодную воду, и потом медленно выдохнул, и с этим выдохом что-то в его лице стало чуть менее собранным, чуть более рассеянным, словно у человека, который силится вспомнить мелодию и не может.

Когда Призрак убрал иглу обратно в футляр, Гербер Лоу поднял голову и произнес, неуверенно, будто пробуя голос впервые:

— Спасибо.

Ниэль не знала, кого он благодарил — ее, Призрака, богов Учения или саму Печать, — и, по правде, не хотела знать. Она кивнула секретарю, тот сделал пометку, и на этом все закончилось: Гербера Лоу увели через ту же дверь, через которую увозили всех осужденных после Изъятия — не обратно в камеру, а в приемный зал, откуда родственники, если приходили, забирали их домой, слегка другими, чем прежде.

Зрители расходились, переговариваясь вполголоса — кто-то разочарованно, кто-то удовлетворенно, — и Ниэль подождала, пока зал опустеет, прежде чем позволить себе сесть обратно на стул и на секунду прикрыть глаза. Это тоже было частью ее собственного ритуала: не показывать усталость, пока смотрят, и разрешить себе выдохнуть, только когда не смотрит никто.

— Хорошая норма, — сказал секретарь, не поднимая взгляда от бумаг. — Экономная.

— Она не была экономной, — ответила Ниэль. — Она

была достаточной.

Секретарь пожал плечами — для него разницы не существовало — и протянул ей папку следующего дела вместе с тонкой стопкой архивных выписок, которые она запрашивала неделю назад: сводные цифры подпитки Печати за последний квартал, для отчета, который с нее требовал Освин перед завтрашним собранием.

Она пролистала цифры машинально, скорее по привычке проверять, чем из настоящего интереса, — и остановилась на одной строке дольше, чем нужно.

Итоговая цифра подпитки за квартал была на без малого четверть выше суммы, которую можно было получить, сложив все зафиксированные нормы отдельных Изъятий за тот же период. Она моргнула, еще раз сложила числа в уме — три Изъятия в Северном Валу, два в Крест, одно в Дальнем Бреге, — и разница осталась.

«Ошибка писаря», — подумала она. Такие вещи случались: кто-то в архиве Хранения путал квартал, дописывал лишний ноль, переносил цифру не в ту графу. Она отложила выписку в сторону, туда, где лежали бумаги для «посмотреть позже», и взяла следующее дело.

Глава 2. Сайлас

Дорога на Северный Вал была узкой и каменистой, вырубленной в склоне так, что с одной стороны поднималась каменная стена, а с другой начиналось ничто: серый обрыв, уходящий в туман, который в этих краях толком не рассеивался даже к полудню. Для конвоя — хорошая дорога: ее легко охранять, напасть можно лишь с одной стороны. Для тех, кто собирался напасть, — плохая: прятаться решительно негде.

Сайлас лежал здесь уже третий час, прижавшись к стене под грубой мешковиной, выкрашенной под цвет камня, и слушал, как собственный пульс отдается в затылке.

— Опаздывают, — сказал Ферн одними губами, устроившись чуть выше по склону, там, где скала образовывала естественный карман. Старик умел часами лежать неподвижно — лучше самого Сайласа, хотя был почти вдвое старше, — и только два пальца выдавали нетерпение: время от времени они постукивали по прикладу арбалета. Тук. Пауза. Тук-тук.

— Не опаздывают. Мы рано пришли.

— Я всегда прихожу рано. Ты обычно опаздываешь.

Это было неправдой, но спорить не хотелось: разговор помогал скоротать ожидание, которое Сайлас ненавидел больше самого риска. Риск был честным: либо получится, либо нет. Ожидание — пыткой без гарантий даже насчет того, ко-

гда закончится.

Конвой показался без четверти три: шесть охранников, крытая повозка, а в ней, по донесению Тени, Адель Крон, приговоренная к Изъятию за то, что три года укрывала беглого из Пустоши. Не убийцу, не насильника — замерзшего человека, которого впустила в дом и о котором вовремя не сообщила властям. Норму, по слухам, определили жестокую: способность спать, не видя во сне собственных детей. У Адели Крон было трое детей. Тень уточнил это в донесении с той сухой, почти канцелярской точностью, с какой вообще сообщала обо всем, что касалось боли других людей, — будто нарочно избегала любой интонации.

Сайлас знал, почему. И не спрашивал вслух.

— Мира на позиции? — спросил он.

— Была десять минут назад. — Ферн покосился туда, где за поворотом дороги, у приметного расколотого валуна, должна была прятаться Мира с двумя лошадьми наготове. — Не любит она это дело.

— Никто не любит это дело.

— Она не любит именно это дело. С тех пор как в прошлый раз не успели вовремя.

Сайлас промолчал. Ферн был прав; напоминание не требовалось. После той операции в Ясеновых землях прошло пять месяцев. Теперь эта земля называлась Сушью, но старое имя все еще приходило Сайласу первым, будто земля могла сменить название быстрее, чем люди успевали привыкнуть.

Мира до сих пор иногда просыпалась с криком и не могла понять, спала ли вообще этой ночью.

Частичное Изъятие. Призрак успел завершить едва треть процедуры, прежде чем они выдернули Миру из-под иглы. Половина отнятого хуже целого отнятого. Этого не было ни в одном официальном свode, но Сайлас знал это на собственной шкуре лучше, чем любой архивариус Хранения.

Повозка приблизилась настолько, что стали слышны скрип колес по камню и негромкий разговор охраны — усталый, будничныи, ни о чем: кто-то жаловался на новые сапоги, кто-то отвечал, что надо было брать размер больше.

Сайлас поднял два пальца — знак Ферну приготовиться — и стал считать удары копыт: счет всегда давался ему лучше, чем ожидание вслепую.

На «двенадцать» Ферн спустил тетиву.

Болт ушел точно в колесо передней повозки — не в человека. Никогда в человека первым: единственное правило, которое Сайлас не нарушил ни разу за три года. Колесо треснуло, повозку резко повело, и на дороге началась та самая контролируемая паника, которую они репетировали десятки раз. И все же каждый раз она выглядела так, будто вот-вот выйдет из-под контроля.

Двое охранников бросились к обвалившемуся углу повозки, еще двое — к лошадям, шарахнувшимся от треска. Один из оставшихся закричал что-то про засаду и потянулся к рогу тревоги. Сайлас, уже съезжавший вниз по каменной осы-

пи, ударил его под колено раньше, чем тот успел поднести рог к губам. Не насмерть. Никогда насмерть, если можно было иначе.

Иначе не всегда получалось.

Охранник у задней двери не бросился к сломанному колесу. Он развернулся и ринулся на Сайласа с коротким мечом наперевес. В этот миг чистый, отрепетированный расчет дал сбой: этого человека не должно было быть на этой позиции. По донесению Тени здесь должны были стоять другие двое.

Сайлас увернулся, но недостаточно быстро: лезвие полоснуло по предплечью — неглубоко, скорее обожгло, чем ранило. В ответном движении — том самом, которое должно было обезоружить, а не убить, — он не рассчитал силу. Охранник упал и больше не поднялся.

Времени остановиться и проверить, дышит ли он, не было. Ферн уже сбивал замок у задней двери обратным концом арбалета. Адель Крон — тонкая, с лицом, застывшим между ужасом и недоверием, — не двигалась, пока Сайлас не протянул ей руку и не произнес единственные слова, которые говорил в такие минуты. Других за три года так и не нашлось: — Идемте. Сейчас же.

Она пошла. Они всегда шли, рано или поздно — иногда за секунду, иногда за те несколько драгоценных мгновений, которые могли стоить всей операции, — потому что тело, даже парализованное страхом, обычно узнавало руку, протянутую без принуждения, скорее, чем разум успевал это осмыслить.

Они уже были у расколотого валуна, где их ждала Мира с лошадьми, бледная от долгого ожидания. Тогда за спиной Сайлас услышал звук, которого не должно было быть, если бы всё шло по плану: не крик тревоги, а тихий, недоуменный стон человека, начинавшего понимать, что произошло с его товарищем на дороге.

Он не обернулся. Обернуться означало увидеть. Увидеть — запомнить лицо, которое потом не удастся выгнать из памяти. Этой ночью ему хватит и того, что он уже знал.

* * *

Только час спустя, когда Адель Крон уже сидела у костра в убежище, кутаясь в чужой плащ и вздрагивая при каждом треске поленьев, Мира подошла к Сайласу вплотную — так близко, что он невольно отступил на полшага, — и произнесла тихо, чтобы не услышала спасенная:

— Ты его убил.

— Не собирался.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть, — сказал он, и голос вышел жестче, чем хотелось. — Донесение было неверным. Человек оказался не там, где должен был быть.

— И поэтому он мертв.

Сайлас посмотрел на ее лицо — слишком молодое для тяжести, осевшей в нем за последние пять месяцев, — и не нашел в себе сил ответить ничем, кроме правды, которую сам

не любил произносить вслух:

— Да. Поэтому.

Мира не ответила. Она отвернулась и пошла к костру, где Адель Крон впервые за вечер робко улыбнулась ей — благо- дарно, доверчиво, как улыбаются спасителю. Сайлас остался у входа в убежище один, чувствуя, как саднит порез на предплечье и как куда сильнее болит то, чему пока не было названия и что с каждым разом становилось все труднее заглушать разговорами о правильности выбора.

Кто-то в темноте за деревьями, там, где начиналась тропа обратно к городу, уже, наверное, рассказывал первую версию случившегося. К утру она обрастет подробностями, потеряет имя человека, не поднявшегося с земли, и приобретет другое — то, которым город уже начинал называть Сайласа, хотя сам он его не выбирал.

Безымянный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.